

сюжета, одномерности характеров, лишены психологической глубины.

Обращаясь к традиционной для советской драматургии героико-революционной тематике, Ш. предлагает принципиально новое ее решение. Естественно, что центральной фигурой в его политическом театре оказывается Ленин, который воспринимается драматургом как «личность, сконцентрировавшая в себе главные, коренные проблемы XX века». При этом из жизни вождя революции выделяются эпизоды, наиболее напряженные, грозящие гибелью молодому советскому государству, — именно в эти моменты с особой отчетливостью обнаруживается сила ленинской мысли, которая и является главным предметом изображения в театре Ш. Так, сюжетным центром пьесы **«Шестое июля»** (1964), жанр которой ее автор определил словами «копыт документальной драмы», стало восстание в 1918 эсеров, которые до той поры входили в коалицию с захватившими власть большевиками. Не менее драматична и ситуация, положенная в основу сценического действия в пьесе **«Тридцатое августа. Большевики»** (1968), — покушение на Ленина.

Политический театр Ш. — поле смелого сценического эксперимента. В пьесе **«Синие кони на красной траве. Революционный этюд»** (1979) драматург отказывается от портретного сходства персонажей — в т. ч. Ленина — с историческими лицами, имена которых они носят. Это позволяет сблизить актера (являющегося современником зрителю) с тем, кого он изображает на сцене, — так реализуется стремление автора вовлечь сегодня живущего человека в ведущийся на сцене диспут о сути, смысле революции. При этом драматург убежден в необходимости выхода к подлинному содержанию ленинских идей, озабочен утверждением в сознании читателя (зрителя) представления о социализме с человеческим лицом.

На этих позициях стоит Ш. и в пьесе **«Так победим!»** (1982), где рассказывается о последних днях Ленина, воспроизводятся его нелегкие раздумья о том, как будет развиваться революция. Не ограничиваясь изображением отдельных исторических эпизодов, Ш. строит действие своих политических пьес на борьбе идей. В пьесе **«Диктатура советских»** (1986) на сцене устраивается суд над Лениным, над ленинизмом: необходимость этого для драматурга диктуется желанием защитить эти священные для него принципы от сегодняшних идейных противников и маловеров. В этом суде принимают участие и исто-

рические лица — соратники и противники Ленина, и лит. герои, и персонажи, шагнувшие на сцену из сегодняшнего дня. Здесь Ш. возвращается к давно известным советскому театру принципам агитационного, плакатного искусства со свойственной ему предельной обобщенностью изображения действующих лиц, с интересом не к психологии, а к идее, которая утверждается каждым из них.

По пути эксперимента идет Ш. и в пьесе **«Дальше... дальше... дальше!»** (1988), где о событии, происшедшем в ночь на 24 окт. 1917, размышляют его — давно уже ушедшие из жизни — участники, имеющие возможность из исторического далека по-настоящему понять и оценить то, что было совершено (или — не совершено) ими. Драматическая острота происходящей на сцене подлинной битвы идей обусловлена не только тем, что по воле драматурга здесь сталкиваются большевистские вожаки и их противники, враги. Эта острота особенно усиливается оттого, что в этом столкновении принимает участие Сталин, с именем которого для Ш. связывается «чудовищный клубок преступлений», освящавшийся словами о верности революционным идеям. Автор пьесы по-прежнему убежден в высоте ленинской идеи, но в финальной сцене рядом с Лениным продолжает оставаться Сталин: многозначительная деталь.

Пьесы Ш., пользовавшиеся во второй половине 1980-х огромной популярностью, уже в начале 1990-х сходят с театральной сцены — так сказывается их сращенность — буквально — с породившим их днем.

Соч.: Восемнадцатый год. М., 1974; Февраль: роман-хроника / в соавт. с В. Логиновым. М., 1979; Так победим!: Шесть пьес о Ленине. М. 1985; Избранное. М., 1982; Необратимость перемен: Статьи разных лет. М., 1988; Диктатура совести. М., 1989; Дальше... дальше... дальше! // Знамя. 1988. № 1.

Лит.: Лакшин В. Посев и жатва // Новый мир. 1968. № 9; Бочаров А. Вверх по реке времени // Дружба народов. 1968. № 11; Велехова Н. Серебряные трубы: Советская драма вчера и сегодня. М., 1983; Бочаров М. Революция, драматургия, театр. Ростов н/Д., 1984; Вишневская И. После Погодина // Совр. драматургия. 1988. № 5; Свободин А. Истина революции и истина театра // Театральная жизнь. 1988. № 8; Карлов В. Политический театр М. Шатрова // Лит-ра в школе. 1988. № 6.

А. С. Карлов

ШАХОВСКАЯ Зинаида Алексеевна (псевдонимы Зинаида Сарана, Jacques Croisé) [30.8(12.9).1906, Москва — 8.6.2001, Сент-



З. А. Шаховская

Женевьев-де-Буа] — поэт, прозаик, эссеист, историк культуры, журналист.

Родилась в старинной княжеской семье, ее предки — Рюриковичи; в роду матери (урожденной фон Книмен) — архитектор Карло Росси. Россия в сознании Ш. запечатлелась преимущественно деревенская, та, где проходило ее детство (имение Матово под Тулой) и где она прожила несколько нелегких месяцев кровавой смуты 1917–18, в которую попали и мн. ее родные (некоторое представление об этом времени дает ее рассказ «Собачья смерть»). Отец погиб в 1921.

С сент. 1916 по февр. 1917 Ш. училась в Петрограде в Екатерининском ин-те. Но, по ее признанию, «хотя и успела провести в Петербурге-Петрограде несколько зим, все же жила во мне больше крепкая, черноземная, деревенская жилка». В февр. 1920 Ш. с матерью и двумя сестрами из Новороссийска уехала в Константинополь, где стала учиться в американском женском колледже. В 1923 оказалась в Бельгии, в Брюсселе, училась в монастырской школе, в Бельгии начала лит. жизнь. Но уже в 1925 Ш. оказывается в Коллеж де Франс. (Впоследствии Ш. долгие годы жила в Париже, сохраняя бельгийское гражданство.) В Париже Ш. вышла замуж за Святослава Малевского-Малевица. В 1926 их обвенчал отец Сергей Булгаков (видным деятелем Православной Церкви стал брат

Ш. Димитрий, в монашестве Иоанн, архиепископ Сан-Францисский, печатавший стихи под псевдонимом Странник). Вместе с мужем, живописцем и химиком, учеником Нильса Бора, Ш. вскоре после свадьбы уехала в Конго, где Малевский-Малевиц получил работу (впечатления от тропической Африки нашли отражение в рассказе «Одиночество»). В 1932 Ш. от бельгийской газ. «Ле Суар» была послана специальным корреспондентом в Эстонию, Латвию, Литву и Польшу. После 12-летнего перерыва она вновь побывала в России — под Псковом в Печорах. По ее признанию, Печоры тогда произвели на нее более «русское» впечатление, чем Москва 1956–57, где она находилась с мужем, в то время бельгийским дипломатом. В 1930-е Ш. состояла членом русского Союза молодых писателей и поэтов в Париже, печаталась в эмигрантских «Совр. записках», «Русских записках» и др. После войны — в «Возрождении», «Новом ж.», «Континенте». Жила Ш. с мужем также в Марокко — в бурные для этой страны 1950-е. О событиях тех лет написаны по-французски романы «От слова — к крови» («*La Parole devient Sang*», 1955) и «Смертельные игры» («*Jeu de Massacres*», 1956). Оба произведения высоко оценены французской критикой. Во Франции как романист она известна под псевдонимом Жак Круазе, сохранившимся с военных времен: так Ш. подписывала статьи и корреспонденции. Др. книги — мемуары и исторические работы — вышли под ее настоящим именем.

Первый же роман Жака Круазе «Европа и Валериус» («*Europe et Valerius*», 1949) был удостоен Премии Парижа. В 1952 издан роман «Запасный выход» («*Sortie de Secours*»). Первая работа Ш. по-французски появилась в 1937 — «Жизнь Александра Пушкина» («*Vie d'Alexandre Pouchkine*»). Широко известны во Франции и Англии исторические произведения Ш. и ее мемуары. За книги «Повседневная жизнь Москвы в XVII веке» («*La vie quotidienne à Moscou au XVII siècle*», 1963) и «Повседневная жизнь Петербурга в эпоху романтизма» («*La vie quotidienne à St Petersburg à l'époque romantique*», 1967); она получила премии Французской академии. По-французски же вышли 4 тома ее мемуаров «Таков мой век» («*Tel est mon siècle*»), охватывающих промежуток с 1910 по 1950. Ш. — офицер ордена Почетного легиона, в 1987 получила высшую правительственную награду из присуждаемых деятелям лит-ры и искусства — звание

Командора Ордена Искусств и Словесности и золотую медаль Парижа.

В сент. 1939, в первые дни войны, Ш. вместе с мужем создала в Брюсселе Общество бельгийских друзей Франции. В мае 1940 поступила в санитарные части французской армии, участвовала в Сопротивлении. В 1942, через Гибралтар проникнув в Англию, стала редактором Французского информационного агентства в Лондоне. В 1945–46 работала военным корреспондентом при союзных армиях.

С 1949 по 1969 Ш. пишет исключительно по-французски. Но во всех ее книгах есть какие-то русские черты — персонажи, культурные реалии, реминисценции, не говоря о том, что большая часть ее работ прямо связана с историей России и ее совр. жизнью. В 1960-е Ш. — ответственная за культурную программу русского отдела французского радио, а с 1968 по 1978 — главный редактор газ. «Русская мысль». В это время она вновь вернулась к родному языку и с 1970 писала преимущественно по-русски. По ее инициативе в 1982 в Париже издан «Русский альм.».

В последние годы жизни от лит. дел Ш. отошла, поселившись 19 нояб. 1998 в «Русском доме» в Сент-Женевьев-де-Буа, откуда мечтала уехать в Россию. Однажды даже пыталась с этой целью бежать, проведя в итоге ночь в полицейском участке. Все-таки ей уже было за 90...

До войны известны были русские стихи Ш.: сб. «**Двадцать одно**» (1927, под псевдонимом Зинаида Сарана); «**Уход**» (1934) и «**Дорога**» (1935). В них главное — это приятие мира самого по себе, а не того, что в этом мире может быть нажито или благоприобретено: «И в страшный час земной разлуки — / Благословенно бытие, — / Прими, Христос, пустые руки / И сердце полное мое». Изгнание, разлука с родиной способствовали осознанию и обретению Ш. христианских истин как истин поэтических. Ее лирика восходит к изначальным евангельским ценностям, с горькой и смиренной простотой осознанным вне России: «Без денег, даже без друзей, / И в шуме городском, отравном, / Богаче тот, кто всех бедней. / Светлее, чище и бесславней...» В стихах Ш. недоступность России не уменьшает, а увеличивает ощущение ее реальности. Может быть, это даже единственная неуничтожимая реальность ее поэзии.

С эстетической точки зрения стихи — самая выразительная часть русскоязычной лит. работы Ш. Ее ассоциативная лирика к изощренным направлениям русской поэзии XX в.

прямого отношения не имеет. Она ассоциативна в том смысле, что обозначает глубокие чувства, не поддающиеся прямому называнию, хотя и связанные с самыми простыми вещами. Ее девиз — «Храни несказанное слово» — говорит о том, что оно призвано точнее мысли передать пережитое ощущение бытия. Приметы этого бытия — это приметы, не отчуждаемые от русской жизни, какой бы она ни была в самые неустроенные, тревожные периоды исторического существования. Поэтому так просты основные слова-символы, на которые Ш. опирается в стихах: земля, небо, сердце, крест, ветер, бледный свет зари, лопот хлеба...

Существенное значение для уяснения взглядов Ш. имеют ее русские статьи «**Веселое имя Пушкина**» (1971) и «**Трагедия Петра и трагедия России**» (1972). В последней автор размышляет о начале нового периода русской истории. Теоретические постулаты статьи незавуалированы: «Всякая революция уничтожает ценности — всякая эволюция прибавляет новые ценности к старым». В свете этого положения автор рассматривает деятельность преобразователя России под неожиданным углом зрения. Ш. пишет о недостаточной изначальной образованности Петра, даже о его «необразованности» — по сравнению с его политической противницей царевной Софьей. Петр вынужден был решать проблемы, вставшие перед Россией, без надлежавшей к тому интеллектуальной подготовленности. Его гигантская энергия толкала его к революционной ломке унаследованного порядка не потому, что тот был так уж плох, а потому, что молодой царь его не понял, не осознал направления его движения. В целом Ш. мыслит о России как о европейской стране, но испытывающей непрестанный соблазн оттолкнуться от Европы, ибо и Европа также не раз склонна была увидеть в России чуждую ей силу. Мирового размаха культура, созданная в России за два века, запечатлела не развал и хаос, а гармонический динамизм ее исторического бытия. В полной мере он явил себя через Пушкина. Поэт, по выражению Ш., «...завещал нам трудный подвиг равновесия ума и сердца, ответственности и беспечности, преодоления греха раскаянием». Этот тайный подвиг России еще предстоит совершить.

В книге «**Отражения**» (1975) Ш. рисует впечатляющие портреты Бунина, Зайцева, Ходасевича, Замятина, Цветаевой... Мемуары, им посвященные, помимо массы живых подробностей, пестрят проникновенными психологическими характеристиками.

Наполовину мемуарная книга **«В поисках Набокова»** (1979) таит в себе вполне романтическую интригу. Она состоит в том, что В. В. Набоков оказался для Ш. писателем, некогда ею любимым и одновременно разочаровавшим (и разочаровавшим) ее.

Если полемика с Набоковым ведется нередко на личностном, психологическом уровне, то рассказы, эссеистика, статьи и особенно стихи Ш. написаны в благородно открытой, простой, сдержанной манере свободного человека, которому не нужны иносказания и метафорические ходы, чтобы выразить то, что он хочет выразить. Свободное слово бескомпромиссно осознано писательницей как главная привилегия изгнанника.

Соч.: Двадцать одно. Брюссель, 1927; Уход. Брюссель, 1934; Дорога. Брюссель, 1935; Перед сном. Париж, 1970; Отражения: Эссе, письма. Париж, 1975; Рассказы. Статьи. Стихи. Париж, 1978; В поисках Набокова. Париж, 1979; В поисках Набокова. Отражения. М., 1991.

Лит.: Ходасевич В. Уход: [рец.] // Возрождение. Париж. 1934. 27 сент.; Одоевцева И. Отражения: [рец.] // Новый ж. Нью-Йорк. 1975. Кн. 121; Штейн Э. Вклад в историю зарубежной литературы // Грани. 1976. № 99; Медведев Ф. Мы — дети России: интервью с Зинаидой Шаховской // Книжное обозрение. 1990. 9 марта; Алешковский П. «По своему опыту...» // В поисках Набокова. Отражения. М., 1991; Петрова Т. Г. Шаховская З. А. // Русские писатели 20 века: биографический словарь. М., 2000.

А. Ю. Арьев

ШВАРЦ Евгений Львович [9(21).10.1896, Казань — 15.1.1958, Ленинград] — драматург.

Родился в семье врача. Его отец, принявший христианство еврей, окончил Казанский ун-т; принимал участие в деятельности левых социал-демократических организаций, подлежал гласному надзору полиции; мать, русская, была талантливой актрисой-любительницей, в юности играла в спектаклях драматического кружка известного театрального деятеля барона Н. В. Дризена. Детство Ш. прошло в Майкопе. В своих воспоминаниях писатель говорит об огромном значении для него «майкопских» лет жизни. Ш. окончил реальное училище (1905–13). В 1914 поступил на юридический ф-т Московского ун-та, однако проучился только до 1916. Весной 1917 Ш. был призван в армию. По некоторым воспоминаниям, принимал участие в «ледяном походе» Корнилова.



Е. Л. Шварц

Творческая биография Ш. началась в 1919, когда он стал актером Театральной мастерской под руководством П. К. Вейсбрема в Ростове-на-Дону. В 1921 Ш. вместе с Театральной мастерской переехал в Ленинград. Играл в различных ленинградских театрах, выступал в качестве конферансье, был известен как остроумный импровизатор и блестящий рассказчик. С 1923 Ш. начинает сотрудничать в различных ж. и газ. В 1923–24 работает в Бахмуте (Артемовск) в ж. «Забой» и газ. «Всероссийская коچهгарка». В то время его публикации выходят под псевдонимом Щур. По возвращении в Ленинград становится секретарем ж. «Ленинград».

В 1924 в ж. «Воробей» появилась написанная в стихах первая сказка Ш. **«Рассказ старой балалайки»**. Сказка получила одобрение С. Маршака, ее отметил О. Мандельштам. С 1925 выходит несколько небольших книжек для детей, в создании которых принимал участие Ш.— делал стихотворные подписи к рисункам: «Вороненок», «Война Петрушки и Степки Растрепки», «Лагерь», «Шарики», «Рынок», «Прятки», «Петька-пестух — деревенский пастух». Ш. становится детским писателем. Его охотно печатают в журналах Ленинграда: «Воробей» («Новый Робинзон»), «Советские ребята», «Октябрята», «Еж» и «Чиж». С 1925 по 1931 Ш. явля-